

— Стадия окукливания?!

Цюэ Цю удивлённо округлил глаза. Его щёки слегка надулись, что делало его ещё больше похожим на ошарашенную маленькую золотую рыбку.

Морф наблюдал за его выражением лица, и его взгляд стал невероятно мягким. Он не удержался и потянулся ущипнуть мягкую щёку омеги.

Он нежно потирал кончиками пальцев, с неохотой ощущая прохладную нежность. Красота перед глазами не могла не вызвать смятения в душе.

Цюэ Цю был недоволен этим несколько «превышающим полномочия» действием, поднял руку и отстранил непослушные пальцы альфы, снова спросив:

— Что же всё-таки происходит?

Морф с сожалением убрал руку и объяснил:

— Я думал, что стадия окукливания наступит ещё очень нескоро, но почему-то она пришла раньше. Войдя в стадию окукливания, начнётся имитация биологического процесса превращения гусеницы в бабочку. Из нынешнего вида гусеницы я превращусь в куколку, моё сознание временно погрузится в сон, и я уже не смогу, как сейчас, отвечать тебе. Когда именно проснусь, я и сам не уверен. Но когда мы снова встретимся, я уже смогу превратиться в красивую маленькую бабочку.

Цюэ Цю с огромной скоростью прокрутил в голове все события последних дней, которые они пережили вместе. Кроме нынешнего конфликта, других инцидентов между ними не было. Он не мог не предположить, не вызвало ли сильное эмоциональное потрясение у Морфа досрочное наступление стадии окукливания?

Когда Цюэ Цю подумал о такой возможности, в его глазах появилась вина. Он успокаивающе погладил усики Морфа.

— Если бы я не избегал тебя и сразу бы выяснил всё с тобой, возможно, ты не...

Морф перебил его, приблизив голову:

— Даже я сам не мог предсказать досрочное наступление стадии окукливания, как же можно винить тебя? Не вини себя. Рано или поздно я вступил бы в эту фазу, просто она наступила немного раньше. Более того, именно потому, что она пришла раньше, я смогу быстрее предстать перед тобой в новом облике.

После его утешения Цюэ Цю стало немного легче, и он снова спросил:

— Что тебе нужно подготовить для вступления в стадию окукливания?

Взгляд Морфа потемнел, но на лице это не отразилось. Он лишь сказал:

— Ничего делать не нужно. Стадия окукливания — это, можно сказать, мой период покоя. Я просто буду спать.

Цюэ Цю нахмурился, инстинктивно не веря его словам:

— Правда?

— Конечно, правда. — Морф расплылся в улыбке и, как раньше, прильнул к омеге, капризничая. — Если мама обязательно хочет что-то сделать, то просто положи в свой карман и ни на шаг не отходи от меня.

Сказав это, он потёрся головой о плечо маленького цветка.

Цюэ Цю с некоторой беспомощностью посмотрел на него краешком глаза:

— Ты не похож на бабочку, скорее на привязчивого щенка.

— Разве я не говорил маме много раз раньше, что я самый милый и послушный щенок мамы? — Морф поднял голову и подмигнул Цюэ Цю.

Предыдущие разногласия и отчуждение в этот момент полностью исчезли. Между ними снова вернулись прежние близкие, неразлучные отношения. Более того, так как всё уже было высказано, и из-за только что пережитой хаотичной временной метки, в их атмосфере появилась некоторая неуловимая двусмысленность.

— Ранее ты сказал, что любишь меня...

Услышав, что Цюэ Цю снова затронул эту тему, Морф немного занервничал, поспешно обняв его:

— Не отказывай мне, хорошо? Хотя бы не в такое время.

Цюэ Цю даже не успел договорить, как всё, что он хотел сказать, было заглушено альфой, боявшимся быть брошенным. Он не знал, плакать ему или смеяться:

— Я не собирался отказывать тебе.

Глаза Морфа мгновенно из жалостливого состояния превратились в ослепительно сияющие.

Неужели?!

Но не успел он порадоваться и нескольких секунд, как снова услышал:

— Но и не собираюсь соглашаться.

Уголки губ альфы тут же опустились, ясно выражая недовольство.

Цюэ Цю считал реакцию Морфа забавной, как у резиновой пищущей курицы, которая визжит, когда её сжимают. Он немного помолчал и продолжил:

— Я не хочу специально держать тебя в неведении, долго не давая точного ответа. Просто, ты же знаешь, что я никогда не думал о наших отношениях с точки зрения любви. То есть, в моём первоначальном плане я считал, что мы будем вечной семьёй, а не любовниками, идущими рука об руку до седых волос.

Он вздохнул, сказав:

— Я никогда никого не любил так, как ты любишь меня. И я не знаю, как понять, действительно ли я люблю человека всем сердцем и готов прожить с ним всю жизнь. Думаю, прежде чем дать тебе ответ, я должен сначала найти ответы на эти вопросы.

Цюэ Цю посмотрел на Морфа, его золотые глаза в этот момент вмещали только альфу.

— Конечно, я мог бы просто так согласиться или сразу отказать тебе. Но я не думаю, что способен поступить так безответственно по отношению к тебе. Так что можешь дать мне немного времени, чтобы я мог хорошо всё обдумать?

Морф ответил без колебаний:

— Конечно, я согласен.

Он взял бледное тонкое запястье омеги и благоговейно поцеловал прохладную тыльную сторону руки.

— Сколько бы ни пришлось ждать, я согласен.

Пока Цюэ Цю чётко не отказал ему, значит, у него всё ещё оставалась большая надежда. Перед окончательным счастливым концом он не против терпеливо ждать, даже если придётся ждать очень долго.

— Конечно, я хотел бы, чтобы ты согласился сразу. На самом деле я жду этого дня уже давно. Но если это ты, думаю, даже самый мучительный процесс я приму с радостью. А результат станет ещё слаще из-за этого процесса ожидания.

Последний камень в сердце Цюэ Цю тихо упал. Он действительно ещё не был готов начать новые отношения, и такая безусловная уступчивость Морфа, несомненно, облегчила ему душу.

— Но раз уж я так забочусь о маме, то... — Морф резко изменил тему и улыбнулся. — Не мог бы ты дать послушному щенку немного награды за послушание?

Сердце Цюэ Цю, только что успокоившееся, мгновенно снова забилось тревогой:

— Награда?..

Он думал, что Морф, возможно, воспользуется ситуацией и попросит чего-то чрезмерного, но, к его удивлению, тот лишь лёг рядом с ним и похлопал по своему сильному предплечью:

— Могу ли я спать с тобой лицом к лицу? Хочу перед стадией окукливания ещё немного посмотреть на тебя. Так маме не придётся бояться, что я забуду тебя после выхода из кокона.

Морф сияющими глазами смотрел на Цюэ Цю. Его серебристые зрачки словно вмещали ясный лунный свет, а взгляд был полон ожидания.

В сердце Цюэ Цю что-то внезапно сжалось, словно его пронзили. Он на мгновение остолбенел, а, придя в себя, слегка улыбнулся.

Морф сказал:

— Ты такой красивый.

Цюэ Цю лёг, мягко оперев голову на руку альфы. Ему всё казалось, что что-то не так, поэтому он не удержался и спросил:

— Если лежать так всю ночь, разве утром не заболит?

Морф согнул руку, одним движением притянув к себе молодого человека, который лежал немного поодаль, и крепко прижал его к груди.

— Конечно же, нет. Потому что рука знает, что когда ты согласишься стать моим омегой, она каждую ночь будет служить тебе подушкой именно так, и это будет для неё слаще мёда.

Кончик носа Цюэ Цю уткнулся в грудь Морфа, расстояние до его сердца составляло меньше сантиметра. Его щёки покрылись румянцем, и даже кончики ушей слегка запылали. Он тихо прошептал с упрёком:

— Что ты... такое говоришь...

— Ты так близко от меня, аромат феромонов роз так сладок.

Низкий голос альфы раздался прямо над головой. После временной метки Цюэ Цю почему-то стал особенно чутко реагировать на подобные слова. Услышав это, он поднял руку, желая потрогать то место, над которым недавно издевались.

Но Морф схватил его руку, а затем уткнулся лицом в его плечо и шею, отчего голос стал приглушённым:

— Я не прилагал много сил, там лишь слегка припухло.

Цюэ Цю действительно не чувствовал сильной боли. Он не знал, как выглядели другие омеги при метке, но ему казалось, что, кроме небольшой потери контроля в самом начале, Морф в целом был довольно послушным и покорным.

Поэтому, услышав такие слова, он также ослабил бдительность.

Цюэ Цю не видел в их нынешнем положении ничего странного. Они и раньше так спали, а после только что совершённой временной метки и обмена феромонами их доверие друг к другу достигло пика, поэтому он ослабил охранные инстинкты. Постепенно тело, истратившее много духовной силы, стало наполняться усталостью. Цюэ Цю, утомлённый целым днём, быстро погрузился в глубокий сон.

Почувствовав, что человек в его объятиях больше не ворочается, Морф как бы невзначай положил свободную руку на тонкую талию Цюэ Цю, которая из-за положения лёжа на боку образовала ещё более выраженный изгиб, и крепко обхватил её.

Стоило лишь опустить голову, как он мог чётко увидеть слегка покрасневшие и припухшие железы омеги. Хотя они всё ещё оставались незрелыми, на них уже изнутри и снаружи был поставлен чей-то знак.

На самом деле, сейчас у них была очень характерная поза, позволяющая ему полностью удерживать омегу в своих объятиях, лишая его возможности сопротивляться во время метки и вынуждая покорно принимать властное обладание.

Но Цюэ Цю ничего об этом не знал.

Морф с удовольствием приподнял уголки губ. Его губы едва касаясь провели по лбу Цюэ Цю и остановились у его уха, когда он тихо прошептал:

— На самом деле самый послушный здесь — это ты.

Он удовлетворённо прижал к себе Цюэ Цю, спрятав тайные мысли в тишине глубокой ночи.

* * *

С тех пор как Цюэ Цю оказался в этом мире, он ни разу не спал так комфортно, как прошлой ночью. Он закутался в одеяло и, поскольку ещё не проснулся, говорил с мягкой, невнятной гнусавостью:

— Морф... подай мне одежду.

Обычно после этих слов не проходило и десяти секунд, как альфа приносил ему одежду и помогал одеться. Но на этот раз Цюэ Цю ждал почти минуту, но не услышал ни малейшего движения, даже шороха одежды об одеяло при вставании.

Цюэ Цю немного помедлил в оцепенении, а затем, словно что-то вспомнив, резко открыл глаза и сел, но обнаружил, что рядом никого нет.

Он потрогал рукой место, где должен был лежать Морф. Оно оказалось холодным, что означало, что тот давно ушёл.

Цюэ Цю вспомнил вчерашний разговор и невольно широко раскрыл глаза.

Неужели... стадия окукливания?!

Цюэ Цю сбросил одеяло. Как и ожидалось, Морф исчез, а вместо него лежал кокон размером в половину кулака, с металлическим серебристым отливом.

Цюэ Цю вспомнил описанные альфой признаки стадии окукливания и, попробовав позвать его по имени несколько раз, но не получил никакой реакции.

Значит... Морф действительно вступил в стадию окукливания?

Цюэ Цю почувствовал сильное изумление. Он сложил ладони лодочкой и осторожно поднял серебристый кокон. Даже будучи полностью готовым, он всё равно ощущал, что эта маленькая

вещь оказалась тяжелее, чем можно было предположить по её размеру.

В отличие от их первой встречи, когда Морф выглядел как живое белое яйцо и был тёплым на ощупь, сейчас серебристый кокон, лежавший в его ладонях, скорее напоминал металлическое украшение, чем тёплое живое существо. Этот кокон совсем не выглядел так, будто из него могла родиться жизнь.

Больше, чем на кокон насекомого, он был похож на...

В голове Цюэ Цю мелькнула мысль, и он использовал магическую механику. Подражая форме серебристого кокона, он собрал ещё один «серебристый кокон».

Глядя на два абсолютно одинаковых кокона, он невольно замер в раздумьях.

Это означало, что вещество, из которого состоял этот серебристый кокон, было идентично веществу магической механики, то есть самому прочному материалу в этом мире — плотному железу.

Цюэ Цю невольно вспомнил слова, сказанные ему Сяо Юэ. Унаследованный императорской семьёй животный ген представлял собой мутировавшую королевскую бабочку, рождённую из плотного железа. И оболочка этого серебристого кокона тоже была из этого материала.

Не дожидаясь, пока Морф выйдет из кокона, он уже сейчас мог быть уверен: в его жилах текла кровь императорской семьи. Альфа и был тем самым генералом Империи, которого он видел лишь раз по телевизору.

Наконец получив ответ, который долго его мучил, Цюэ Цю не только не почувствовал ожидаемого отторжения, но и испытал облегчение.

— Ты и вправду он...

Цюэ Цю вспомнил Дуань Чэньсэня, а также то гнетущее чувство, которое исходило от мужчины даже через экран телевизора, и как ни старался, не мог связать это с послушным, покорным, иногда дерзким Морфом, и уж тем более — с угрюмым, навязчивым, ранимым и подозрительным Маомао.

Этот имперский генерал был для него, без сомнения, самым знакомым незнакомцем.

В этот момент чувства Цюэ Цю стали невероятно сложными.

Морф говорил, что, войдя в стадию окукливания, его сознание погрузится в глубокий сон, но неизвестно, когда именно он проснётся.

То есть, если Цюэ Цю хотел разорвать с ним все связи, сейчас был самый подходящий момент. Он мог отправить этот серебристый кокон с Сяо Юэ обратно на Столичную планету.

С этого момента между ним и Морфом не осталось бы ничего общего.

После выхода из кокона альфа вернётся на предназначенный ему путь, снова став имперским генералом.

А сам Цюэ Цю продолжит скитаться по Тёмной планете или другим планетам в поисках способа вернуться обратно.

Цюэ Цю всерьёз подумывал об этом.

Но в тот же миг он вдруг вспомнил день их первой встречи, когда Маомао, теребя край одежды, смущённо и оживлённо сказал ему: «Мама, я не гусеница, я красивая бабочка~»

Или как Морф раз за разом твёрдо говорил ему: «Я твоя единственная бабочка».

Он вспомнил, что и Маомао, и Морф, зная, что ему не нравятся гусеницы, всегда изо всех сил старались превратиться в прекрасную бабочку.

Цюэ Цю уставился на серебристый кокон в ладонях и тихо прошептал:

— И это бабочка, которую я вырастил своими руками...

Это была бабочка, которую он вырастил сам, которая ела его листья, спала в его кармане, называла его мамой и даже оставила на нём временную метку.

Это была его бабочка.

Внезапно золотистая капля упала на серебряный кокон. Хотя и беззвучно, но Цюэ Цю услышал тихое «плюх».

Он замер, поднял руку, коснулся своей щеки и только тогда осознал, что плачет.

Всё дальнейшее, казалось, стало естественным продолжением.

Словно в одно мгновение вспыхнуло ослепительное золотое сияние. Это уже была не россыпь крошечных искр, а словно яркий восход солнца.

Огромная духовная сила, будто низвергнутая с неба, обрушилась на серебряный кокон, полностью окутав его ослепительным светом.

Серебряный кокон постепенно впитывал самую чистую жизненную силу золотистой канарейки. Его твёрдая оболочка постепенно теряла цвет, превращаясь из металлического серебра в белую, испуская вокруг тёплое сияние.

Когда Морф впервые упомянул, что переживает эволюцию, он сказал, что каждый этап развития королевской бабочки требует огромного количества энергии. Однако прошлой ночью, когда он спросил его, что нужно подготовить для стадии окукливания, альфа лишь ушёл от ответа.

Но Цюэ Цю знал: раз даже для вылупления из яйца маленькой гусеницы потребовалось так много духовной силы, то как можно было обойтись без ничего на самой важной стадии?

Морф просто не хотел, чтобы он снова тратил на него свою энергию.

Когда-то альфа подарил ему боевые гены и магическую механику, а также свою безраздельную, чистую любовь. Цюэ Цю подумал, что он тоже хочет подарить ему что-то в ответ.

Каким бы ни стал Морф после выхода из кокона, Цюэ Цю верил, что он навсегда останется его и только его бабочкой.

Непрерывные затраты почти полностью истощили запас духовной силы в теле Цюэ Цю. К концу процесса он чувствовал себя ещё более измождённым, чем после исцеления двадцати с лишним альф прошлой ночью, и, не успев даже убрать серебряный кокон, потерял сознание.

Словно увядший лист, он бесшумно рухнул на пол.

Поглотивший духовную силу серебряный кокон не показал признаков скорого вылупления, но стал мягким и испускал нежное свечение.

Он скатился в объятия Цюэ Цю и прижался к истощённому маленькому цветку, изо всех сил пытаясь подарить ему хоть капельку тепла.

Это было всё, что он мог для него сделать сейчас.

Время текло, и незаметно происходили неизвестные перемены.

Тишина длилась до самого вечера, когда за дверью комнаты общежития внезапно поднялся шум.

Сюй Фэн ошеломлённо смотрел на высокого омегу перед собой, не сразу придя в себя.

Омега почти не заметил его и, как только дверь открылась, направился прямо внутрь.

— Где Цюэ Цю? Куда вы его спрятали?!

Едва войдя, он начал звать Цюэ Цю по имени.

Сюй Фэн наконец очнулся и бросился за ним.

— Э-это же общежитие для альф, к-как ты сюда вошёл?!

Бай Тяньсин даже не взглянул на него:

— Общежитие для альф? И что с того? На всей Тёмной планете нет такого места, куда бы я не мог пойти! Разве я должен получать разрешение от какого-то альфы уровня D?!

Почувствовав себя непонятым, Сюй Фэн хотел возразить, но невольно покраснел и забормотал:

— Я-я не это имел в виду...

Бай Тяньсину и без того было не по себе. Видя, что тот лезет под горячую руку, он не стал церемониться:

— А что же ты тогда имел в виду?! Отойди, не мешай!

Сюй Фэн, видя его агрессивный настрой, хотя и боялся, но всё же собрался с духом и встал на пути:

— Чего ты добиваешься?

— Я ищу Цюэ Цю! Вы что, спрятали его?!

Неприязненный тон Бай Тяньсина заставил Сюй Фэна ошибочно решить, что тот задумал недоброе против Цюэ Цю, и ещё больше не захотел уступать:

— Он отдыхает, не беспокой его!

Но с точки зрения Бай Тяньсина, этот альфа-кролик не только изо всех сил пытался его

остановить, но и придумывал отговорки — явно что-то скрывал. И чем больше Сюй Фэн сопротивлялся, тем меньше он верил его словам.

Увидев это, Бай Тяньсин в нетерпении грубо оттолкнул его:

— Да отойди же ты!

Сюй Фэн не смел поднять руку на омегу, позволив толкнуть себя на пол.

Тан Бутянь, услышав шум, вышел из комнаты как раз в этот момент и стал свидетелем всего происходящего.

Увидев, как обижают его друга, он забыл о том, что нельзя применять силу к омегам, помог Сюй Фэну подняться и преградил путь Бай Тяньсину, не стесняясь в выражениях:

— Даже если ты омега, у тебя нет права врываться в общежитие для альф и нападать на них без причины!

Бай Тяньсин, видя, что они заодно, усмехнулся:

— Без причины?! Вы удерживаете маленького омегу, принуждая его проводить ментальное успокоение для этих проклятых альф и бет! Разве этого недостаточно, чтобы я пришёл требовать ответа?!

Тан Бутянь и Сюй Фэн замерли, переглянулись и недоумённо спросили:

— О каком маленьком омеге ты говоришь?

— Не притворяйтесь! Кто ещё живёт в районе общежитий для альф, кроме Цюэ Цю?! — выкрикнул в сердцах Бай Тяньсин.

Он с презрением оглядел Тан Бутяня и Сюй Фэна с ног до головы и саркастически заметил:

— Я уже предупреждал его, что все альфы — лицемеры, которые только и умеют обманывать омег сладкими речами. Вот и подтвердилось, хмф.

Тан Бутянь нахмурился, совершенно не понимая, о чём он говорит:

— Если ты имеешь в виду Цюэ Цю, то да, вчера он весь день находился в лечебном отделении, проводя ментальное успокоение для альф боевого факультета, и вернулся только глубокой ночью. Но он делал это добровольно, какое тут принуждение?!

Сюй Фэн тоже добавил:

— Мы не только не принуждали его, но и уговаривали больше не ходить туда. Твои обвинения совершенно беспочвенны.

Увидев, что они ещё смеют возражать, Бай Тяньсин так разозлился, что даже маленькие цветочки гипсофилы на его голове гневно встали дыбом.

— Добровольно? Хмф, что за чушь! Какой омега добровольно станет проводить ментальное успокоение для двадцати с лишним альф за один раз?! Это же просто убийство! Вы, альфы, лицемеры до мозга костей, явно хотите выжать из омег последнюю каплю полезности!

Услышав это, Тан Бутянь и Сюй Фэн были потрясены и в один голос воскликнули:

— Что?! Цюэ Цю вылечил больше двадцати альф за раз?!

— Оказывается, вы тоже понимаете, насколько это вредно для омеги, — скрестив руки, Бай Тяньсин злорадно усмехнулся. — И вы ещё осмеливаетесь говорить, что это «добровольно».

Но в следующую секунду из-за их спин прозвучал чистый голос:

— Они не ошиблись. Я правда делал это добровольно.

Тан Бутянь, Сюй Фэн и Бай Тяньсин резко обернулись. Перед их взором предстал Цюэ Цю в одной лишь тонкой белой рубашке, выглядя несколько ослабленным.

Хрупкой фигурой он прислонился к стене, широкие полы его рубашки колыхались лёгким ветром. Подбородок выглядел более заострённым, а лицо — бледным. Он казался хрупким, словно лунный свет, который невозможно удержать в ладонях.

<http://bllate.org/book/13573/1326306>